

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Александр Китаев
Серебряные
ведра

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Виссарионович Китаев
Серебряные ведра
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60240242

Серебряные ведра: Водолей; Москва; 2019

ISBN 978-5-91763-462-3

Аннотация

Александр Виссарионович Китаев (1888–1953) при жизни был известен как художник и педагог, однако его обширное поэтическое наследие – яркая и оригинальная страница русской поэзии 1910–1920-х годов. Отвергая каноны модернизма и преодолев подражание более ранним традициям, Китаев поэтизировал крестьянский труд и быт, степные и волжские пейзажи, не став сусальным «поэтом из народа». Свежий, громкий, нарочито грубоватый поэтический «голос» Китаева, достигшего к началу 1920-х годов литературной зрелости и называвшего себя «имажинистом», не был оценен критикой, хотя и замечен читателями. Рукописный архив Китаева рассеялся по частным собраниям. В настоящее издание включены наиболее интересные из его известных стихотворений, в основном периода 1916–1923 годов. Значительная часть текстов публикуется впервые.

Содержание

«Смелые люди считают меня талантливым человеком»: материалы к биографии Александра Китаева	9
Стихотворения 1906–1914 гг.	33
«Нет больше сил нести страданья...»	33
Стихотворения из казанских изданий	34
Сарре	34
«Я взглянул в глаза глубоко...»	35
«Серым днем весны печальной...»	36
«Сады полны благоуханий...»	37
Из книги «Белые пожары»	38
Первая и последние весны мои	39
I	39
II	40
«На берег моря, на берег моря...»	40
«С рассветом дня я умираю...»	41
В осенние сумерки	42
«Бессилен род людской и зол...»	43
«Благословил унылым словом...»	43
Золотая лестница	44
Моя тоска	45
Аквариум	45
«Какие тихие долины...»	46

Сонеты св. Антония	47
I	47
II	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Китаев

Серебряные ведра

Александр
Купцов

© В.Э. Молодяков, составление, подготовка текста, примечания. 2019

© А.В. Бурлешин, подготовка текста, 2019

© Г.В. Леоненков, собрание материалов, 2019

© В.Э. Молодяков, собрание материалов, 2019

© А.Л. Соболев, собрание материалов, 2019

© Издательство «Водолей», 2019

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),

Н. А. Богомолов (Россия),

И. Е. Будницкий (Россия),

Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),

С. Гардзонио (Италия),

Г. Г. Глинка (США),

Т. М. Горяева (Россия),

А. Гришин (США),

О. А. Лекманов (Россия),

В. П. Нечаев (Россия),

В. А. Резвый (Россия),

А. Л. Соболев (Россия),

Р. Д. Тименчик (Израиль),

Л. М. Турчинский (Россия),

А. Б. Устинов (США),

Л. С. Флейшман (США)

«Смелые люди считают меня талантливым человеком»: материалы к биографии Александра Китаева

(составил В.Э. Молодяков)

Сведений об Александре Китаеве, которые удалось собрать, пока недостаточно для подробного очерка, охватывающего все стороны его жизни и деятельности. Поэтому мы решили заменить его собранием материалов, в котором основное внимание уделено фактам биографии и литературной деятельности.

Александр Виссарионович Китаев родился 13 (25) августа 1888 г. в селе Каремала Самарской губернии, в крестьянской семье. (Биографическая справка: Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. СПб., 2002. Т. 4. Кн. 2. С. 509; далее: БС). Точное название: село Старая Кармала; ныне в составе сельского поселения Новая Кармала Кошкинского района Самарской области. На 1889 г. в нем числилось: дворов 183, жителей 1013 человека (Википедия).

«Семи лет окончил сельскую школу (так. – *В.М.*). На восьмом году принимал вместе с отцом участие в раскопках Разбойничьего Городка (топоним слишком распространен, чтобы удалось его идентифицировать. – *В.М.*). 16-ти лет получил звание сельского учителя. Работал среди киргиз и башкир. С 1905 г. по 1909 г. обучался в Казанской Художественной Школе» (Автобиография 1924 г. РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 1. Сообщил А.Л. Соболев).

«Воспитанник Симбирской чувашской школы, учился в 1899–1905 гг. <...> Поступлению русского в эту школу не следует удивляться. Число русских учеников здесь составляло не менее 20 %. <...> Одним из увлечений Китаева тех лет был театр: его фамилия часто встречается в программах музыкально-литературных вечеров школы. Жена художника Зинаида Николаевна Китаева вспоминает: «Когда А.В. Китаев работал учителем рисования в [Ульяновском] педагогическом техникуме, у нас иногда собирались дореволюционные воспитанники учительской школы. Среди них был Осип Андреевич [Андреев] – директор Ульяновского педтехникума – Узюрка, как его называли коллеги, вспоминая детство. Однажды Узюрка и Александр Китаев из школы тайком ушли в театр. Иван Яковлевич (Яковлев, просветитель чувашского народа. – *В.М.*) иногда для поимки «правонарушителей» ставил сторожей. Поздно вечером одного из них, Китаева, поймал сторож и должен был повести к Ивану Яковлевичу. Нерастерявшийся ученик стал рассказывать старику содер-

жание просмотренного спектакля, тот остановился, дослушал и отпустил Китаева. Екатерина Алексеевна Яковлева, руководившая драматическим кружком, Александру Китаеву всегда давала роли женские, и он их всегда с успехом играл» (Эмиссар искусств // Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. К истории русско-чувашских культурных связей. Чебоксары, 1977. С. 94–105; наиболее подробный очерк художественной деятельности Китаева).

«Первые уроки рисования получил у художника Сергеева в Ульяновске (так. – *В.М.*), первые уроки живописи у московского живописца Некрасова» (А.В. Китаев цит. по: Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 97).

В 1906–1911 гг. учился в художественной школе в Казани, где в числе его педагогов были П.П.Беньков и Н.И. Фешин (БС).

«По рассказам жены, Китаев в годы учебы в летнее время ездил в Оренбург, работал там в шерстемойке. Большинство работ казанского периода учебы были созданы по мотивам башкирских впечатлений» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 97).

Первые известные стихотворения Китаева датированы 1906 годом (собрание Г.В. Леоненкова).

«Были среди нас и поэты, например, Александр Виссарионович Китаев. Узнав, что библиотека при городской думе выписывает в читальный зал новые художественные журналы «Мир искусства», «Аполлон», мы стали посещать

е» (Воспоминания художника Н.К. Сверчкова, учившегося в Казанской художественной школе в 1906–1912 гг.: Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1975. С. 77).

В этот же период работал в газетах «Волжско-Камская речь», «Вечерняя почта» и в литературно-художественном журнале «Волжские дали»; в первом из этих изданий служил корреспондентом, а в двух других исполнял обязанности секретаря редакции (БС).

В 1908 г. опубликовал 4 стихотворения в журнале «Волжские дали», в 1908 г. три стихотворения в казанском «литературно-художественном иллюстрированном сборнике» «Уклон» (Сообщил А.В. Бурлешин).

«С.П. Бенькова, дочь известного художника П. Бенькова, учившаяся вместе с А.В. Китаевым, <...> вспоминала о выступлениях молодого художника со своими стихами перед студенческой аудиторией, которые восторженно принимались слушателями» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 97).

В мае 1911 г., переехав в Чебоксары, начал преподавать «графические искусства» в женской гимназии (БС).

«В уездном городе это было совсем молодое учебное заведение. Открытая в 1901 г. женская прогимназия была преобразована в 1910 г. в гимназию, а при четырехклассном городском училище в 1901 г. были открыты одногодичные педагогические курсы. <...> По рассказам бывших воспитанни-

ков названных учебных заведений, А.В. Китаев был страстным пропагандистом искусства, поощрял интерес учащихся к изобразительному искусству, организовывал выставки их лучших работ, привлекал учащихся к оформлению учебных спектаклей. <...> Бывшие ученики вспоминают о выставке работ художника, устроенной в училище. <...> В семейном архиве А.В. Китаева сохранилось несколько этюдов чебоксарского периода. Среди них есть работы, выполненные в пуантилистской технике. <...> В этой технике художник искал свое: если у постимпрессионистов техника в растворении формы, то Китаев хочет добиться ясности формы» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 97–98).

В мае 1912 г. отправил несколько стихотворений в журнал «Русская мысль». 31 мая писал В.Я. Брюсову:

«Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я посылаю Вам несколько моих стихотворений. Быть может, это дерзость с моей стороны – надеяться, что Вы внимательно прочтете их и выскажете мне о них Ваше мнение. Но я очень хотел бы услышать от Вас добрые слова.

На днях в редакцию «Русской Мысли» я послал стихотворение

«Любовники». Я не послал его непосредственно Вам по некоторой простой причине, о которой я здесь умолчу. Теперь я очень прошу Вас просмотреть «Любовников»: я не хотел бы выступить в печати без Вашего согласия.

С глубоким уважением к Вам
Александр Китаев

Мой адрес: Г. Чебоксары.

Казанской губ., преподавателю Женской Гимназии».

1 июля Китаев официально обратился к Брюсову как редактору литературного отдела «Русской мысли»:

«Милостивый Государь!

Господин Редактор!

24-го мая с. г. я послал Вам стихотворение «Любовники». Я очень прошу Вас дать этому стихотворению новое название – «Осеннее видение» и принять мое новое стихотворение «Я не знаю, что светлее...»

Примите уверение в моем искреннем и глубоком к Вам почтении.

А. Китаев.

Чебоксары Казанской губ.».

На письме размашистая помета «Возвр. ВБ». Через неделю он предпринял третью и, видимо, последнюю попытку:

«Милостивый Государь!

Господин редактор!

Посылаю Вам мои стихотворения «Безумия» и «Бумажные розы»; если подойдут, напечатайте в Вашем журнале на условиях платных стихотворений. «Сонеты св. Антония» и все остальное, что будет годно из присланного мною к печати, следует печатать за подписью Александр Китаев. В «Осеннем видении» не

лучше ли первую страницу последнего четверостишия читать так: «Кто неизменно на посту» и т. д. Стихотворение «Я не знаю, что светлее» не лучше ли с новым четверостишием в конце:

Но безмолвно, но тревожно
Реет в светлых высотах
Очарованная ложно
Одинокая мечта.

Вариант с этим четверостишием прилагаю при этом письме.

Я очень извиняюсь перед Вами за мою надоедливость.

С совершенным уважением к Вам

А. Китаев

Г. Чебоксары Казанской губ.» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 89.

Ед. хр. 40.

Сообщил А.Л. Соболев)

Стихотворения Китаева в «Русской мысли» не появились.

В Чебоксарах Китаев познакомился и подружился с поэтом и художником П.А. Радимовым (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 99–100).

По предположению А.И. Иванова-Ехвета, Китаев был одним из инициаторов кампании за создание этнографического музея в Чебоксарах. «Что же было сделано конкретно для открытия музея – неизвестно. Сохранились лишь подтверждения того, что А.В. Китаев вынужден был под нажимом

властей покинуть Чебоксары» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 101).

«Китаев покинул Чебоксары в 1913 г. С этого времени по 1915 г. он работал учителем графических искусств в коммерческом училище на станции Бологое, а в 1915–1916 учебном году в той же должности – в Новгородской мужской учительской семинарии. Китаев и здесь оставался завзятым театралом. Как художник писал декорации, оформлял спектакли. Возглавлял театральное общество «Красный парус», до февраля 1919 г. оставался учителем» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 101).

В начале января 1914 г. побывал в Петербурге. В 1914 г. готовил сборник стихов «Цветы и пламя» и написал к нему предисловие. Действие «повести в стихах» «Фиона» (январь 1916) происходит в Мелекесе, что допускает пребывание автора в этом городе. Судя по пометам под стихотворениями, в мае 1916 г. служил чертежником в строительном отделе Нового оружейного завода в Екатеринославе – вероятно, по мобилизации – и оставался в этом городе минимум до конца января 1917 г. (собрание В.Э. Молодякова; далее ВЭМ).

В 1916 г. отправил 12 стихотворений в редакцию журнала «Русское богатство», но ни одно из них не было опубликовано (РО ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 2. № 156. Л. 1–12. Сообщил А.В. Бурлешин).

«Октябрьскую революцию А.В. Китаев встретил востор-

женно» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 101).

С 10 февраля по 16 августа 1919 г. заведовал художественным хранилищем и подотделом изобразительных искусств в г. Бобруйск. За этот период «им был основан и открыт Бобруйский художественно-исторический музей, организована государственная выставка произведений художников и ремесленников Литвы и Белоруссии» (БС).

Приехав в Смоленск, 27 августа 1919 г. подал заявление о приеме на работу в ГубОНО. Будучи назначен инструктором «секции изобразительных искусств в г. Рославль и Рославльский уезд для организации уездной ячейки отдела», изъявил желание остаться в Смоленске. Преподавал русский язык на командных курсах Смоленской губмилиции. В 1919 г. был в числе победителей конкурса на лучший проект праздничного оформления улиц Смоленска ко второй годовщине Октябрьской революции. В качестве инструктора губмузея в апреле – июне 1921 г. был командирован в Гжатский и Юхновский уезды (вместе с сотрудницей картинной галереи З.Н. Мартыновой – его будущей женой) для проверки деятельности музеев в Гжатске и усадьбе Скугарево, а также для ревизии сохранности ценностей, ранее взятых на учет в целом ряде других усадеб (БС). Фрагменты доклада, датированного 27 июня 1921 г., опубликованы: Достояние республики // Смоленский край. 1993. № 1.

До середины 1922 г. участвовал в культурной жизни Смоленска: избирался товарищем председателя литературной

организации «Арена», издал сборник стихов «Оранжевый колорит», экспонировал свои живописные работы на состоявшейся в Смоленске в 1921 г. художественной выставке (БС).

Последний год смоленского периода жизни и работы Китаева подробно освещен в мемуарах участника литературной студии Пролеткульта и «Арены» поэта Бориса Сергеевича Бурштына (псевд. Ирнин; 1893–1964), написанных в середине 1930-х годов.

«В самый последний период существования литературной студии Пролеткульта в ней появился еще один поэт, которому довелось сыграть более или менее значительную и активную роль в деле создания «Арены». Это был Александр Китаев, разносторонне одаренная индивидуальность (поэт и художник), но как человек, представлявший собою то, что в общезнании принято называть прошедшим «огонь и воду и медные трубы». По крайней мере, проявленные им энергия и заинтересованность в организации «Арены» на деле оказались далеко не бескорыстными, что и привело «Арену» к полному разрыву с ним. <...>

Перед моими глазами лежит сейчас пожелтевший от времени (как пишется во всех лирических воспоминаниях) листок-программа вечера. На ней дата – 23 июля 1921 г. – начало фактической жизни «Арены»... В программе сразу бросаются в глаза несколько необычные вещи, которые, будучи анонсированы, еще до вечера вызвали первое нападение на

«Арену» в печати.

Прежде всего – «бомбические портреты» – изобретение неизменно-эксцентричного Александра Китаева. Под этим «террористическим» термином крылось самое невинное содержание: краткие и несколько шуточные взаимные литературные характеристики выступающих поэтов. Каждая характеристика по замыслу должна была быть дана так быстро и остро, чтобы произвести впечатление взорвавшейся бомбы.
<...>

[Николай] Корст фактически так и не был товарищем председателя «Арены». Он уехал, не успев вступить в исполнение своих обязанностей. Вместо Корста был выбран Китаев и поначалу – надо сказать – не было никаких оснований раскаиваться в этом выборе. Александр Китаев был чрезвычайно энергичен и изобретателен в создании клуба поэтов и особенно – книжной лавки. Жил он со своей женой в маленьком домике за Ильинской церковью, т. е. на том месте, где сейчас расположена площадь Дома советов. Окна его комнаты, с низким потолком и скрипучим полом, выходили в запущенный яблоневый садик. Немало часов провел я в этой, не похожей на городскую, комнате за чтением или слушанием стихов, за обсуждением организационных вопросов молодой артели художников слова.

Прошлое Китаева было очень темно, точно так же, как теперь темно для меня его настоящее. Была в его биографии, в биографии скромного сельского учителя, какая-то «исто-

рия», в результате которой Китаев «пострадал» и, по его словам, подвергся «преследованиям» со стороны реакционной части учительства и работников наробраза. Насколько можно было судить об этой истории по отрывочным рассказам самого Китаева, дело сводилось не к таким уж невинным пустякам. В сельской школе, которой Китаев заведовал, он ввел, в порядке чуть ли не обязательного обучения, так называемый «алекитизм» (производное от «Александр Китаев») – своеобразный сокращенный язык, благодаря которому, по замыслу изобретателя, достигалась громадная экономия времени, бумаги и всего прочего. Сам Китаев весьма бегло изъяснялся на этом языке и даже писал на нем стихи. Не знаю, пользовался ли этот язык особенным успехом у учеников, но, когда это нововведение стало известным органам народного образования, Китаева привлекли, кажется, к уголовной ответственности. Впрочем, в конце концов дело окончилось для Китаева, по-видимому, сравнительно благополучно, и он поплатился только своим местом учителя.

Когда я познакомился с ним, мне кажется – он нигде не служил. Работала как будто только его жена. Сам же Китаев писал стихи и изощрялся в изыскании средств для издания своей второй книжки. Первая книжка «Оранжевый колорит» только что вышла в очень недурном «издании автора». При этом все, от стихов до обложки, являлось творчеством самого поэта.

Стихи Китаева мне представляются несомненно талант-

ливыми, технически зрелыми, хотя и недостаточно ровными по форме. Наряду с прекрасной, полнокровной, образной строфой, в его стихах обнаруживалась ужаснейшая безвкусица.

В некоторых своих стихотворениях, особенно из его позднейшего неизданного цикла «Янтарные плоды», Китаеву удавалось приблизиться по форме к классической ясности, напоминавшей бунинскую, но зато и эстетизмом Бунина веяло от его в целом безыдейного творчества. Он умел рисовать замечательные картинки с натуры, причудливо совмещая в них примитивный и циничный эротизм с утонченным пониманием музыкальной и световой гаммы стиха и с чувством стиля. Но дальше этого, внешнего, он не шел.

Китаев был не молод. За его плечами насчитывалось около 35 лет довольно беспокойной, по-видимому, жизни. Он сильно сутулился, держал голову несколько набок, смотрел исподлобья, избегая встречаться своими зеленовато-серыми бегающими глазами с вашим взглядом, и говорил сиплым, придушенным шёпотом.

Китаев был «шарлатан» и «авантюрист» по натуре, и это шарлатанство сказывалось во всем, начиная с «алекинизма» и кончая его деятельностью в «Арене». Весьма характерным был способ распространения «Оранжевого колорита» через мальчишек, торговавших по улицам «рассыпной Явой» и при посредстве написанных самим поэтом беззастенчивых рекламных анонсов.

Характерна была и история с его пьесой «Синие крокодилы», которую автор разрекламировал гораздо более талантливо, чем написал. Эта халтурная пьеса, посвященная, кажется, консерватизму в учительской среде, была продиктована, по-видимому, личными счетами и поставлена каким-то халтурным драмкружком. Если она и имела некоторый успех, то успех, несомненно, скандального порядка. Но шума было создано вокруг этих «Синих крокодилов» предпринимчивым автором чрезвычайно много.

Декларированные Китаевым в предисловии к своей книжке «напряженные творческие искания, стремительное движение вперед – к совершенству форм, к солнечной ясности духа» – нисколько не мешали ему с чисто-торгашеской ловкостью продавать плоды своих вдохновений и пытаться сделать «Арену» выгодным коммерческим предприятием.

Китаев появился в литературной студии уже тогда, когда вопрос о формах организации «Арены» был решен. Следовательно, он пришел к нам не в те дни, когда мы платонически занимались коллективным обсуждением стихов, а только после того, как от наших замыслов запахло чем-то более существенным, нежели хорошая рифма. И, наоборот, как только Китаев понял необоснованность своих надежд, – он ушел от нас так же быстро, как и появился... Но в первое время, повторяю, Китаев принес «Арене» большую практическую пользу, что, впрочем, нисколько не оправдывает нас в нашей неразборчивости при выборе людей. <...>

19 августа <1921> в пользу голодающих Поволжья культ-просвет-комиссией Смоленской губернской милиции было организовано в саду «1-го Мая» «большое гулянье», а на открытой сцене – «грандиозный концерт». В концерте участвовали «лучшие артистические силы города Смоленска, солисты оперы и балета и поэты из «Арены». <...> Мы охотно согласились, понятно, принять участие в концерте на открытой эстраде, но, желая полнее использовать подвергнувшийся случай, поставили условием, что после этого концерта в тот же вечер нам предоставят помещение в зале курсов милиции (угловой дом между площадью Дома советов и садом им. Серафимовича) для специального вечера поэтов. Претензия наша была удовлетворена, и та же афиша извещала о том, что в 1 час ночи состоится вечер поэтов. <...>

Помещение было чрезвычайно заботливо убрано. В гостиной продавались рукописные книжки поэтов – участников вечера. На стенах висели художественно исполненные Китаевым плакаты со специально написанным каждым из нас четверостишием. <...> Во время подготовки зала к вечеру произошел весьма любопытный и характерный эпизод: из милицейской школы к Китаеву были присланы для переноски написанных им плакатов два милиционера. Когда они стащили эти плакаты по назначению, Китаев преподнес в знак благодарности каждому из них по несколько экземпляров «Оранжевого колорита». Надо было видеть удивление и растерянные лица тех, которые удостоились получения такого оригина-

нального и щедрого подарка. <...>

Уличенный в каких-то некрасивых комбинациях в компании с буфетчиком, направленных против материальных интересов «Арены», выбыл из ее состава Александр Китаев, один из основных работников организации в первые месяцы после ее возникновения». (Борис Бурштын. Четыре года. Воспоминание о литературной жизни Смоленска 1921–24 г. // Наступление (Смоленск). 1935. № 7).

Первая книга стихов: Александр Китаев. Оранжевый колорит. Смоленск: издание автора, 1921. 19 С. 300 экз. Обложка работы автора.

Книга добралась до Берлина, где краткую рецензию на нее написала Нина Петровская:

«Александр Китаев – человек мужественный. Он пишет: «Оранжевый колорит – моя первая книга. В случае удачи за ней последуют другие, в случае неудачи – тоже».

Но хотя и уверяет, что «в душе младенческо-лазурной горит божественный огонь», этому не верится. Пишет он смехотворные вирши под старого Бальмонта:

Хочу соломы сухой и звонкой
В просторном поле, в большом возу,
На вышке воза с простой (!) девчонкой
Хочу я встретить вдвоем грозу.

Это не «огонь божественный», а копоть с чужих свечей». (Накануне. 1922. № 189. 18.11. С. 5; перепеч.: Петровская

Н. Разбитое зеркало. Проза. Мемуары. Критика. М., 2014. С. 622).

Как готовящиеся к изданию в «Оранжевом колорите» анонсированы книги «Город», «Льняная лилия», «Мрамор и душа», «Сердце женщины», «Сеть». «Сердце женщины» впервые публикуется в настоящем издании; рукописи остальных неизвестны.

«Пейзажам и портретам А. Китаева, писавшимся в то время (в смоленский период. – *В.М.*), черты «нового искусства», со свойственным ему поиском новых выразительных средств, были присущи менее, нежели его поэтическим строчкам. И все же в них, написанных в традициях русского реалистического искусства, есть и живописное видение мира, и, характерное для искусства того времени, стремление к некоторой конструктивности формы. Книжная и агитационная графика, которой А. Китаев занимался в Смоленске, по своей сути была ближе его литературному творчеству, в ней была и художественная метафора, и лаконичность изобразительной формы, и четкость композиционных ритмов. В этом отношении прекрасным образцом может служить сборник стихов «Оранжевый колорит», оформленный самим автором.

Изображение, находящееся на обложке этой тоненькой книжечки, лишено бытовых подробностей и выполнено по принципу подрезной гравюры – широкой угловатой линией. Не лишнее грубоватого лубочного юмора, наивно-эротич-

ческое изображение женской фигуры, расположенное на лицевой стороне обложки, вводит читателя в атмосферу напечатанных в сборнике стихов» (Елена Попова. Смоленский имажинист // Край Смоленский. 1996. № 7–10. С. 27–31).

В 1922 г. в Большом (бывшем Оперном) театре Смоленска представлена «комедия-гротеск» Китаева «Когда позво-ляется раздеть другого...» в постановке автора (Текст с цен-зурным разрешением и программа: ВЭМ).

С 1922 (правильно: с 1923 г. – В.М.) по 1926 гг. обучал-ся в учебных заведениях, образованных в Петрограде (Ле-нинграде) вместо упраздненной Академии художеств (в том числе до сентября 1924 г. в государственных свободных ху-дожественных учебных мастерских) (БС). Адрес на 1922 г.: Литейный проспект, дом 39, квартира 14 (ВЭМ).

«В июле 1922 г. Китаев был откомандирован на учебу в Петроградскую Академию художеств, но дорогой заболел и опоздал на экзамен. В 1922–1923 гг. Китаев заведовал опыт-но-показательной трудовой школой-коммуной в селе Гри-горково под Смоленском. Как художник-энтузиаст он откры-вает в селе вечернюю студию графической грамоты. В это время в сельской школе-коммуне начинает работать пер-вая в округе электростанция, и поэт, учитель литературы А.В. Китаев к этому событию пишет «Марш электрическо-го фронта». Кстати, и автором мелодии был он сам» (Ива-нов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 102).

«Полный желая продолжит свое художественное обра-

зование, А.В. Китаев пишет в заявлении в Академию художеств (в 1923 г. – *В.М.*): «Ни трагические события личной жизни, ни бешеная общественная деятельность не могли вытравить во мне инстинкта художника, и вот снова и снова я стучусь в двери Академии». В Академии художеств Китаев учился на полиграфическом отделении. Одна из его курсовых работ «Башки башкир» – иллюстрация к собственной поэме – была отмечена премией в вузе и городской периодической печатью» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 102).

Вторая книга стихов: Александр Китаев. Башки башкир. Крыло поэмы. Л.: изд., автора, 1924. [2], 22, [2] С. 300 экз. Обложка и иллюстрации работы автора. Экземпляр с дарственной надписью Е.С. Кругликовой (собрание Г.В. Леоненкова). В настоящем издании печатается по тексту авторской рукописной книжки с подзаголовком «баллада» и датой «17–17 октября 1921» (ВЭМ).

В годы обучения в Академии художеств общался с прозаиком В.Я. Шишковым, с которым познакомился в Смоленске; Шишкову принадлежит первая большая статья об «Арене» в центральной печати. «В 1925 г. Китаев написал его портрет. Работой, как вспоминают, остались довольны и писатель, и художник» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 102).

Написал пьесы «Гибель Венеры Милосской, или Преступление в Доме Писателей» (1926; ВЭМ), «Король-от-

шельник» (середина 1920-х; ВЭМ), «Революционный Версаль» (середина 1920-х; ВЭМ), «Дико-польские педагоги, или Женская стыдливость» (1927; запрещена Главреперткомом), «Кукушкин женится в Африке» (1934; собрание Г.В. Леоненкова), «Счастливая облигация» (собрание А.Л. Соболева), «Золото, жемчуг и бриллианты», «Живая статуя». Сведениями об их постановке и публикации не располагаем. В относящемся к середине 1920-х годов списке «Пьесы, которые нужно написать в ближайшее время» перечислены: «1. Революционный Версаль. (Сатанаил). 2. Электрофикация Дикого Поля. 3. Женитьба отца Сергия. 4. Монгольский князь Кукушкин, или «Стул Великий». 5. Продавцы воздуха. (Торговцы воздухом). 6. Трагедия молодого автора. Комедия» (ВЭМ).

«Не закончив Высших художественных мастерских, А.В. Китаев уезжает в Ульяновск (в начале 1926 г. – *В.М.*) и активно включается в художественную жизнь города». Преподавал в Ульяновском чувашском педагогическом техникуме им. И.Я. Яковлева, организованном на базе Симбирской чувашской школы, который 11 января 1929 г. выдал ему аттестацию: «Отличный и беспредельно преданный своему специальному делу педагог-художник. Прекрасный организатор коллективного труда. <...> Как художник-общественник приблизил искусство к массам». «В 1927 г. в Ульяновске состоялась выставка художников города. Китаеву было отведено две комнаты. <...> Кроме большой педагоги-

ческой и общественной работы, Китаев выполнял обязанности заведующего Ульяновским чувашским историко-этнографическим музеем. Улучшал экспозицию, пополнял фонды» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 103–104).

В 1929 г. участвовал в первой выставке Объединения ульяновских художников (Википедия).

«Из Ульяновска Китаев переехал в Миргород Украинской ССР (в 1929 г. – *В.М.*), где в течение нескольких лет работал «лектором художественных предметов» в индустриально-керамическом институте» (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 105).

Не позднее весны 1932 г. вместе с женой и двумя детьми поселился в г. Раменское Московской области. Вступил в Ассоциацию художников революционной России (АХРР; распущена в том же году) и Московский областной союз художников (МОСХ). 19 августа 1932 г. писал художнику Виктору Николаевичу Перельману, одному из учредителей АХРР и МОСХ:

«Несколько месяцев тому назад я просил Вас поддержать мое ходатайство о предоставлении мне временной жилплощади в одном из домов, находящихся в распоряжении Стройкома Городка Художника. Вы внимательно отнеслись к моей просьбе, любезно поддержали мое ходатайство и передали его в Стройком. Таким образом, вопрос как будто исчерпан. Тем не менее в силу создавшихся обстоятельств, я считаю совершенно необходимым обратиться к Вам вторич-

но с той же просьбой и внести полную ясность в дело, которое может или осчастливить или погубить меня.

Прежде всего, я должен сказать, что по «объективным причинам» (клянусь, такие существуют в действительности!) я не сумел внести на текущий счет Стройкома ничего, кроме вступительного взноса. Этот «тяжелый случай» может сыграть роковую роль при распределении временной жилплощади. Поэтому прошу Вас пустить в ход Ваши дипломатические таланты, чтобы защитить меня на скользком месте. (Почему я не делал последующих взносов в Стройком? Потому что работать в Москве и жить в Раменском – каторжное дело; потому что положение «Раменское – Москва», «Москва – Раменское» поглощало все мое время, весь мой труд, весь мой заработок).

Осенью истекает срок договора на мою раменскую квартиру, хозяин продает дом и не подписывает нового соглашения ни на каких условиях. Другую квартиру или комнату найти невозможно. Таким образом, к нынешней зиме я с семьей остаюсь без крова.

Однако даже при более счастливых жилищных условиях нельзя долее оставаться в Раменском. Уже сейчас, в августе, моя жена и дети (8-ми и 7-ми лет) живут *впроголодь* (от слабости и истощения случались обмороки). Отсутствует нормальная выдача ничтожного пайка. Невозможно покупать продукты на колхозном рынке, ибо цены на 30–40 % выше московских. Зимой в Раменском для моей семьи неминуемо

должен наступить *голод, холод и смерть*. <...>

11-го сего августа Жюри Правительственной Комиссии отобрало девять моих работ для Юбилейной Выставки («Художники РСФСР за 15 лет» – В.М.). Есть надежда, что некоторые из этих работ будут куплены.

Смелые люди считают меня талантливым человеком» (РГАЛИ. Ф. 2650. Оп. 1. Ед. хр. 75. Сообщил А.Л. Соболев).

С 1934 г. жил в городке художников на Верхней Масловке. Член Московского отделения Союза советских художников (МОССХ).

«Китаев вошел в состав групп подчеркнуто-реалистической направленности. <...> В его живописи и графике стали чаще появляться работы бытового жанра, темы и сюжеты, отражающие современные явления жизни. <...> Вместе с тем в его картинах мы увидим живописно-пластическую систему, сложившуюся в советском искусстве еще в 20-х годах. Свойственные ей живописное, образное восприятие действительности, соответствие формы изображения его смыслу были определяющими» (Попова Е. Смоленский имажинист).

В 1933–1937 гг. МОСХ организовал две персональные выставки Китаева. На второй, проходившей на культбазе ЦПКиО им. Горького, экспонировались 44 картины. После выставки «Китаев, втянутый в антиформалистскую мясорубку, исключен из МОССХа. Далее кружок изо на заводе, в камерке бывшей школы позади дома именитых художников на

Масловке что-то пишет, уничтожает. Эйфория начала – вершина на полпути – низвержение» (Ройтенберг О. Неужели кто-то вспомнил, что мы были... М., 2008).

В 1938 г. принят во Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительных искусств (Всекохудожник) (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 105).

В годы войны – не ранее чем до ноября 1943 г. – находился в эвакуации в Башкирии, в селе (ныне городе) Туймазы (ВЭМ).

В августе-сентябре 1943 г. после длительного перерыва вернулся к писанию стихов (рукопись в собрании А.Л. Соболева, Москва).

С конца 1943 г. работал художником в Музее революции СССР (Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. С. 105).

«Трудные послевоенные годы ослабили здоровье художника. Это сказалось на его творческой активности. Изменилась и его художественная манера. Во многом она была обусловлена условиями времени, господством реализма в изобразительной форме, в теме и сюжете. Стремление к созданию художественного образа, «очищенного от пыли содержания», провозглашенное имажинистами, приняло совершенно иные, нежели в 20–30-е годы, формы» (Попова Е. Смоленский имажинист).

Умер 2 марта 1953 г. Место и обстоятельства смерти, место захоронения пока не установлены.

Стихотворения 1906–1914 гг.

«Нет больше сил нести страдания...»

Нет больше сил нести страдания.
Я весь расслаблен. Я устал.
В душе убиты все желанья,
И уничтожен идеал.

Я вышел в жизнь со светлым сердцем.
Безумно мне хотелось жить.
Я знал, что в жизни есть несчастья,
Но все же думал победить.

Я понял, что мой взгляд был ложный.
Жизнь оказалась сильнеей.
Я перед нею наг, ничтожный!
Мне стыдно! Больно! Жизнь! Добей!

1906

Стихотворения из казанских изданий 1908–1909¹

Сарре

Я вижу вас впервые, —
И дерзко полюбил
О, очи – ночи грозовые!
Мой меч! Мой щит! Я все разбил!

О, черный бархат длинных кос
И юные ланиты!
Они – в огне и ярче роз!
Пред ними все цветы побиты!

Ваш голос звонко расцветает,
Улыбка знойно опалит
И в сердце говорливо тает...
Иегова! Кто устоит

Пред лаской алых жал и ков?!
О, мир! О, Сарра! Я в плену!
Я весь горю... Нет больше слов...

¹ Подзаголовок дан составителем. Тексты сообщил А.В. Бурлешин.

Скорей, скорей к любовному вину!..

<1908>

«Я взглянул в глаза глубоко...»

Я взглянул в глаза глубоко
темнокудрой, черноокой
и ушел далеко...
Вьюга жадно след мой съела.
Я ушел на север белый,
грустный и несмелый.
Здесь живу я в вихрях снега.
Обнят знойно снежной негой,
не хочу побега.
Тихо-тихо сдавлен белым;
умираю сладко телом. —
Милая велела...
Но в оковном, льдистом крае
умирая, расцветаю
серебристым маем...
Слышу в небе звон игривый...
Вижу лес и переливы
изумрудной нивы.
Солнце пляшет. Солнце пьяно.
Сонмы птиц поют «осанна!»
Травы запах льют медвяный...
Я припал к земле цветистой...

В струйке трельно-серебристой
облик королевы...

Я стал пить и в губки впился
ей, – и вдруг ручей затмился,
зашумели севы...

И в согласности напева
Из воды выходит дева...

Ты ли, панна Катя?!
Мы счастливы. Мы счастливы!..

Задрожали губ извивы...

Колют, жгут объятья...

Мы упали – не взглянули...

Мы упали... В свет ли... в тьму ли

Утопили... Утонули...

<1908>

«Серым днем весны печальной...»

Серым днем весны печальной
лаской хмурой я оваян...

Светлый образ, что взлелеян
солнцем мая,

убегая,
шлет привет прощальный...

И тоскую, одинокий,
в трепетном молчаньи...

Кто же близкий и далекий,

вновь найденный
и влюбленный,
будет на свиданьи?
Отуманен грустью странной,
я не знаю цели...
Грезы тихо отлетели
тяжким летом
по тенетам
мертвым караваном.

<1908>

«Сады полны благоуханий...»

Сады полны благоуханий.
Так сладок вешний чернозем.
Мы в алом трепете желаний
Тела истомные сольем.

Под серебристый шепот мая,
Под ярый рокот горных струй,
В напевный час, изнемогая,
Испьем грозовый поцелуй!

На изумруды трав уроним
Безумно-белый шелк одежд.
Потонем – бешеные кони —
В огне исполненных надежд.

И подойдем к последним граням...
Я вскину к звездам светлый стон!..
А на заре печально ранней
Глубоко канем в мудрый сон...

<1908>

Из книги «Белые пожары»

Звонкая пена поет под кормою...
Грозный пред нами вздымается вал...
В радужной радости правим ладьею,
Славим опасности скал...

Весело, белые, в ветре трепещут,
В синие дали несут паруса...
Чайки поют нам... А издали блещет
Белых огней полоса...

Волны взбегают взбешенною стаей...
– Брат! Полюби дерзновенность преград! —
Белое знамя над нами взлетает...
Мы не вернемся назад!..

<1909>

Первая и последние весны мои

I

Мир опостылел... И остыл
Огонь ночей, истомный пыл...
Весне и ландышам цвести,
А сердце шепчет: «Милая, прости!

Прощай, забудь навек!» И снова
Жаль жутких вечеров в лесу сосновом...
Я помню бледность обнаженных
Ног... в ореоле трав темно-зеленых...

В открытых широко глазах —
Печаль и темная гроза...
Как острый яд, уста пьянят...
И странен черный вскинутый наряд...

Я помню все... Но лишь однажды
Цветут цветы весною каждой...

.....

Весною новой, ночью лунной,
С тобой ли встретим миг безумный?

II

Не правда ли, печальная весна?
И дождь, и снег попеременно
Мутят стекло закрытого окна
И кажется, нет солнца во вселенной...

Везде, во всем – пустая тишина...
Лишь тенькают часы жестоко-неизменно...
Природа точно вся заражена...
Не расцвести цветам и грезам сокровенным!..

Раствления полна, земля не губит
Лишь яркого цветка любви моей...
Больное сердце беззаветно любит
В тоскливых буднях серых дней...

<1909>

«На берег моря, на берег моря...»

На берег моря, на берег моря,
На дикий берег я убежал.
Я в страшном горе! Я в страшном горе!
Я черный призрак судьбы меж скал.

Шумите, ветры, бушуйте, ветры,
И заглушите мою тоску!
Все песни спеты. Все песни спеты!
Хочу умереть на морском берегу.

Давайте челн мне! Скорее челн мне!
Мои глаза, как ночи, черны.
На горизонте зажглися молнии,
Хочу умереть на гребне волны!

Я – черный призрак, я черный демон,
Хочу умереть на высоком и белом
Гребне волны!

1909

«С рассветом дня я умираю...»

С рассветом дня я умираю.
Когда ж вечерняя заря
Займется, приближаюсь к краю,
И невесомый, и горя.

Приди, последнее молчанье
Моих торжественных высот, —
И небожителя венчанье
Свершит безмерный хоровод,

И обменяю кольцом венчальным
С подругой вечною небес,
С земным концом моим печальным
Свяжу небесных нить чудес.

20 января 1910

В осенние сумерки

Тоска. Великая тоска.
И нет речей. И нет мечты.
Устало осени цветы
Срывает слабая рука.

Устало падают дожди,
Загонят ветер в темный дом.
Застонут ставни под окном.
О молодость! О подожди!

Как пусто в доме! Свет свечей
Встревожит темноту на миг.
Как скучно мне! Как много книг!
Хоть пару бы живых очей!..

1910

«Бессилен род людской и зол...»

Бессилен род людской и зол.
И Твой, о Господи, престол
В его неистовых пирах
Кошунственно повергнут в прах!

Нет, не был человек велик.
И Твой, о Господи, Твой лик,
Века сиявший красотой,
Оплеван смрадною толпой.

Познания бич небесный свод
Жестоко много лет сечет,
Но тщетная пытка. Страж молчит.
И только звезды мечет, спит.

15 декабря 1910

«Благословил унылым словом...»

Благословил унылым словом
Господь страну мою.
Под серым облаков покровом
Я от тоски пою.

Мне золотых не жаль созвучий
Вливать в печаль и боль.
Пою – осенний лес дремучий,
Когда молчу – король.

Где тайна синих океанов
Нетронутых земель —
Там в тьме пророческих туманов
Мой трон, моя свирель.

1911

Золотая лестница

...И у верховного предела,
За гранью роковой черты —
Ко мне, как Голубь, мысль слетела
Иной нездешней красоты.

Сиянья Голубиной Тайны
Щедры и горячи лучи,
И так же в мире не случайны,
Как и возмездия мечи.

Есть мост перекидной, как пламя,
К земле с лазоревых небес:
Даруй Святого Духа знамя,
Ступеней золотой навес.

1911

Моя тоска

Моя тоска, как свет вечерний.
Моя тоска, как бледный сон,
Сплела венок. Венок из терний —
Одну из царственных корон.

Как мрамор вековой гробницы,
Мое чело, моя рука.
И веют сумрачные птицы.
Царица сумрачных – тоска.

В глухом я замурован Доме
Безумия и страхов жизни.
Что, палачи, скажу вам, кроме:
«О кровь моя! Скорее брызни!»

1911

Аквариум

Серый день. Тоска по счастью?
Треск огня, как хриплый кашель...
Верим бледному ненастью.

Не до замков! Не до башен!

Ах, раскрой портьеры окон!
Тусклый свет таит улыбки.
Как поблек твой светлый локон!
Блекнут золотые рыбки...

Где же счастье? Вот весенний
Месяц март. А солнце где же?
Уж восторгами сближений
Наши взгляды светят реже.

В безразличной смене весен
Гаснут мысль, любовь и слово...
Этот серый день несносен.
Подождем дня золотого?..

1911

«Какие тихие долины...»

Какие тихие долины!
Какая бедная любовь!
Долины дева! приготовь
Вино, и миро, и рубины!

Я расскажу, как бедный воин
Сбирал веселые цветы,

Как полдень знойный был удвоен
У роковой его черты.

Я припаду к твоим коленям.
В твоих блистательных шелках
Моя любовь, и страсть, и страх
Безумным пробегут оленем.

И воссиявший свет полночных
Твоих очей, как свет зари,
Напомнит мне часов урочных
Мое безумие: гори!

8 ноября 1911

Сонеты св. Антония

I

Я от людей бежал к неведомой горе.
И труден был мой путь среди песков пустыни...
И обольститель бес встал на пути к святыне
И бросил под ноги мне блюдо в серебре.

Откуда ж быть ему? Для птиц и для зверей
Печальный этот путь; и, кажется, донныне
Не проходил никто песчаных сих морей...

Я произнес: «Соблазн диавола да минет!

В погибель серебро твое с тобою, бес,
Да будет!..». Блюдо – в дым... и дым тотчас исчез...
Так избежал врага молитвой я Господней...

И груды золота вновь на моем пути
Рассыпал он... Но я, как пламень преисподней,
Перескочил ее... и продолжал идти.

II

Однажды бесы мне явились в светлом виде:
«Антоний! Мы пришли, чтоб дать совет. Взгляни!».
Но я, зажмурясь, стал молиться, чтоб не видеть
Богпротивный свет... погасли их огни...

И стали дьяволы сильнее ненавидеть
Меня с тех пор. И вот все ночи и все дни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.